

Дризен? Кнорринг? Буксгевден!

Александр Кивовский

Среди множества русских военных портретов есть произведения-загадки, решение которых может занять многие годы.

Так получилось и с портретом из собрания Государственного Эрмитажа, впервые опубликованным в 1988 году в знаменитом альбоме патриарха отечественной униформологии Владислава Глинки «Русский военный костюм XVIII — начала XX века».

Портрет сопровождался следующим комментарием: «Неизвестный художник. Портрет Дризена. Около 1795 г. Прибалтийский барон Дризен — участник военных действий в Польше, на что указывает медаль на георгиевской ленте, которую давали за штурм Праги (предместья Варшавы) в 1794 г. Нижним чинам. Вторая награда — прусский крест «За заслуги». Кирасирский мундир-колет подпоясан форменным ремнем, на котором носили палаш, поверх него повязан офицерский пояс-шарф».

Портрет сразу привлек внимание, ведь это единственное такого рода изображение кавалера серебряной ромбовидной медали «За труды и храбрость при взятие Праги октября

24 1794 г.». При первом же взгляде удивляет георгиевская ленточка. Ведь согласно указу Екатерины II от 1 января 1795 года нижним чинам выдавались «серебряные медали, с надписью «За труды и храбрость», для ношения в петлице на красной ленте». Очевидно, что медаль надета не на красной александровской ленте, а на более почетной георгиевской сознательно, по аналогии с пожалованным тем же императорским указом золотым крестом «всем бывшим действительно на штурме Прагском штаб- и обер-офицерам, которые тут не получили орденов Военного Св. Георгия и Св. Владимира». Но в отличие от креста, часто встречающегося на портретах, медаль не стала массовой, поскольку из требовавшихся 81 168 штук на Санкт-Петербургском Монетном дворе в феврале — мае 1796 года были отчеканены всего 7692. Раздали же и того меньше, так как Павел I 25 мая 1797 года распорядился: «Медалей за Прагский штурм бывшим на нем отпущенено не будет, понеже Я его не почитаю действием военным, а единственно закланием жидов».

Столь замечательный портрет требовал дополнительного изучения. В 1993 году на страницах журнала «Цейхгауз» свою атрибуцию предложил Александр Горшман, назвав датировку Глинки ошибочной и определив юного кирасира как кавалергарда: «...кирасирский колет, изображенного на портрете покроя — с высоким стоячим воротником — появился не ранее 1802 г., причем галуны, доходившие до верхнего края воротника, имелись только в Кавалергардском полку. Нам могут возразить, что у кавалергардов металлический прибор был серебряным, в то время как на портрете галуны выглядят золотыми, но золотой смотрится и медаль за штурм Праги, которая могла быть только серебряной. Очевидно, лак, которым был покрыт портрет, от времени сильно пожелтел, вследствие чего не только металлические детали смотрятся как золотые, но и сам колет, которому следовало быть белым, имеет желтую расцветку. В сборнике биографий кавалергардов С. А. Панчулидзе мы не нашли никого с фамилией Дризен и, не имея дополнительных сведений, затруднились с определением этого персонажа». Соответственно, сам портрет был определен как «Портрет неизвестного в кавалергардском мундире. 1802–1803 гг.».

Уже при появлении атрибуции Горшмана вызвала сомнение. Советская полиграфия действительно сильно испортила цветовую гамму альбома, неумеренно добавив красного во все оттенки. Но в данном случае заметно, что серебряный шарф явно отличается по цвету от золотой расшивки колета. Да и никаких галунов по краю воротника не наблюдается — на самом деле галун, как и положено, обрезан у начала стойки, а далее идет полоса колетного сукна. Следовательно, «кавалергардская» версия портрета несостоятельна. Предложенная датировка тоже сомнительна. Ведь галстук у кирасира белый, тогда как с 1801 года офицеры повсеместно носили только черные галстуки.

Все эти несоответствия сразу же выявил хранитель фонда военного костюма Государственного Эрми-

Карандашные надписи на оборотной стороне подрамников портретов: «бар. Дризен» вверху и «Б.Ф. Кнорринг» внизу

офицера лейб-гвардии Конного полка. 1796–1797»: «На портрете изображен офицер в конногвардейском колете, подпоясанном форменным ремнем, на котором носили палаш; поверх ремня повязан офицерский шарф. Медаль на георгиевской ленте, положенная нижним чинам за участие в штурме Праги (предместья Варшавы) в 1794 году, свидетельствует, что в офицеры этот конногвардеец произведен недавно. Вероятнее всего, его производство в офицеры состоялось в связи со взятием Варшавы, и первая офицерская награда — прусский крест *Rouge mérite* («За заслуги») — была получена новоиспеченным корнетом по окончании Польской кампании, приведшей к третьему раздому Польши между Россией, Пруссией и Австрией. Традиционно считалось, что на портрете запечатлен прибалтийский барон Дризен; однако в 1796–1797 годах офицер по фамилии Дризен в л.-гв. Конном полку не числился».

Итак, загадка кирасира по-прежнему оставалась неразгаданной. Учитывая разброс версий, требовалось еще раз внимательно изучить оригинал портрета. Благодаря содействию хранителя русской живописи XIX века Государственного Эрмитажа Юрия Гудыменко летом 2009 года мне удалось познакомиться с произведением и его учетной документацией. Портрет поступил в Эрмитаж в 1941 году из Государственного музея этнографии народов СССР. Версия о том, что на нем изображен барон Дризен, основывалась на карандашной надписи на подрамнике: «бар. Дризен». Однако характер надписи указывал, что сделана она в советское время. Следовательно, ее достоверность сомнительна.

На этом поиск мог бы зайти в тупик. Но тут Юрий Гудыменко вспомнил, что в 2000 году, занимаясь подготовкой выставки «За веру и верность», посвященной 300-летию российской императорской гвардии, покойный Сергей Летин выявил в фондах портрет, по признакам парный портрету конногвардейца. Этот

При первом же взгляде удивляет георгиевская ленточка

тажа Сергей Летин. При подготовке в 2000 году выставки «За веру и верность», посвященной 300-летию российской императорской гвардии, он поместил этот портрет в каталоге с правильной аннотацией «Портрет

Генерал от инфanterии
Богдан Федорович Кнорринг.
Неизвестный художник,
около 1808 года

отсутствует на эрмитажном портрете. Кроме того, сын Кнорринга Карл, хотя и был записан 1 января 1787 года вахмистром в конную гвардию, уже в январе 1796 года поступил капитаном в армейский полк.

Таким образом, от этой версии приходится отказаться. Тем не менее форма одежды и награды позволяют точно установить личность генерала

портрет тоже поступил в Эрмитаж в 1941 году из Государственного музея этнографии народов СССР и числился как изображение генерала Богдана Федоровича Кнорринга. Во всяком случае, об этом гласила карандашная надпись на его обороте. Причем сделана она была в советское время, видимо, той же рукой, что и надпись на подрамнике «портрета Дризена».

Судя по возрасту изображенных лиц, парная сюита, выполненная неизвестным художником, представляет отца-генерала и его сына-конногвардейца. На парном овальном портрете изображен генерал в мундире одного из полков тяжелой пехоты времен Павла I. Внешность генерала действительно имеет сходство с Кноррингом, портрет которого помещен в V томе издания великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». Однако орден Св. Александра Невского он получил лишь 18 ноября 1806 года, при Александре I. Не имел он и ордена Св. Георгия 3-го класса, поскольку 15 сентября 1794 года сразу получил его 2-ю степень за взятие Вильны. Но характерная ромбовидная георгиевская звезда

был осыпан разными милостями и 15 февраля 1797 года получил орден Св. Александра Невского.
Изучением эрмитажного портрета параллельно с автором данной статьи занимался сотрудник Государственного Русского музея Михаил Асвариц. Помимо вышеназванной аргументации, он также указал на ранее атрибутированный им портрет Федора Буксевдена. Этот портрет иконографически близок эрмитажному и выполнен в те же годы более профессиональным художником.

Генерал от инфanterии
граф Федор Федорович Буксевден.
Владимир Боровиковский, 1808 год

11-летний сын Александр был произведен из вахмистров в корнеты конной гвардии

Теперь, установив личность отца-генерала, можно вернуться к портрету сына-конногвардейца. В списках офицеров конной гвардии сразу обнаружилась нужная фамилия: 11 декабря 1794 года старший сын графа, 11-летний Александр Буксевден, был произведен из вахмистров в корнеты «с оставлением в доме до совершенных лет». Далее по немецким спискам кавалеров ордена Pour le mérite удалось установить, что действительно 15 (26) декабря 1795 года прусский король Фридрих-Вильгельм II наградил этим орденом корнета конной гвардии Александра Федоровича Буксевдена. Таким образом, не остается никаких сомнений, что именно он и изображен на портрете.

Корнет лейб-гвардии Конного полка
граф Александр Федорович Буксевден.
Неизвестный художник, 1797–1798 годы

Шеф Кексгольмского мушкетерского полка генерал-лейтенант граф Федор Федорович Буксевден.
Неизвестный художник, 1797–1798 годы

Александр Буксевден сызмальства был записан в гвардию. В 1794 году, командуя войсками во время Польской кампании, Федор Буксевден взял сына с собой. В этом походе генерал особенно отличился при штурме Варшавы. Сразу после штурма Суворов назначил Буксевдена комендантом Праги, а после капитуляции Варшавы — ее комендантом и правителем всей завоеванной Польши.

Императрица, благоволившая Буксевдену, щедро наградила генерала.

Он получил орден Св. Владимира 2-й степени, десять тысяч рублей и богатое поместье. А 11-летний сын Александр, как уже говорилось, был произведен из вахмистров в корнеты конной гвардии. Тогда же от отца (а может, даже и от самого Суворова) он получил редкую серебряную медаль «За труды и храбрость при взятие Праги октября 24 1794 г.».

Автор — кандидат исторических наук, руководитель департамента культуры города Москвы